

СВЕТЛАНА СМОЛИНА

СОТВОРЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ

Светлана Смолина
Сотворение женщины.
Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688797

ISBN 9785448502972

Аннотация

Платье было безупречным, и она в нем – умопомрачительной. Не Лилит и не Ева. Не стерва и не скромница. Не невинность и не порок. В ней щедро было замешано все, что Творец пожелал добавить в Женщину, чтобы сделать Мужчину управляемым. Когда Мужчина видел такую Женщину, он забывал о поисках истины и древе познания, об утраченном Рае и угрожающе близком Аде. О боли, крови, предательстве и бедности. Он воцарялся и покорялся. Он отдавал почти всего себя, требуя взамен всю ее. Всю, без остатка.

Содержание

Бонифаций	5
В тот день, когда...	55
Премьера	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сотворение женщины

Повести и рассказы

Светлана Смолина

© Светлана Смолина, 2017

ISBN 978-5-4485-0297-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бонифаций

Ворона была здоровенная и злющая, как черт. Вот уже десять минут он вел с ней войну за копченое свиное ребро, выпавшее из мусорного бака. Несколько раз ему почти удалось схватиться за серую от пыли кость, но крылатая бестия с обезумевшим карканьем взлетала и пикировала на него сверху, норовя долбануть острым клювом то в морду, то в лапу. Он с необычайной ловкостью для оголодавшего и обессиленного зверя уворачивался от террористки, отступал и припадал к земле, собираясь с мужеством для новой попытки. Дважды он предпринял решительные наступательные маневры в надежде громким лаем отогнать врага, но тщетно. Ворона продолжала завтракать, косясь недобрым круглым глазом, и его шансы на успех неумолимо падали.

В конце концов, он поднялся с земли и оскорбленно потрянул ушами. Длинные нити слюны вскинулись и обмотали черную морду. «Ну, я тебе...» – с отчаянной яростью подумал он и в последний раз бесстрашно шагнул в сторону мусорного бака. В последний момент серая птица с грозным видом обернулась, и ужасная боль обожгла ему левое ухо. Он завизжал, как маленький, отпрыгнул, мотая головой, и наткнулся на что-то мягкое позади себя.

– Ой, – высоким голосом сказала что-то, с трудом удержав равновесие. – Ты кто такой?

«Тебе-то какое дело?! – огрызнулся он и поднял голову. – Ах, простите...»

Женщина дружелюбно смотрела сверху вниз и улыбалась. Под ее взглядом он почувствовал себя невоспитанным уличным псом и устыдился собственной грубости. Но она, кажется, не сердилась и, подобрав полы белого плаща, присела рядом с ним.

– Привет, бродяга.

Он слабо качнул хвостом и потянулся к ней запыленным носом. Она сняла блестящую черную перчатку и погладила его по голове.

«По голове гладить нельзя!» – хотел он сказать строго, но вместо этого глупо улыбнулся во всю пасть и с явным удовольствием прикрыл глаза.

– Ты такой красавчик, – протянула незнакомка. – Похоже, ты водолаз, да?

Он горестно вздохнул и с осторожным осуждением посмотрел на женщину: «Интеллигентка!»

В его доме это было одним из рядовых ругательств. Впрочем, в ругательствах пес не слишком разбирался, только уяснил для себя, что так назывались люди, которые были симпатичны ему и вызывали раздражение у бывшего хозяина. Их вкусы мало в чем совпадали.

«Сама ты водолаз. Я – ньюфаундленд».

Она не поняла, что пес остался ею недоволен, и продолжала задумчиво гладить его по голове.

– Слушай, пойдём ко мне! – Внезапно её лицо осветилось. – Я тебя покормлю. Нет, правда! Отличная идея! Ты, наверняка, давно уже не видел приличной еды.

Слово «еда» всегда, с самого рождения, оказывало на него необъяснимое магическое действие. От еды он отказаться не мог даже под угрозой новой битвы с вороной, даже если всю дорогу женщина будет называть его водолазом.

«В конце концов, поем и уйду. Я ведь не её собака!» – решил он.

Но это была лишь дешёвая отговорка, и, обманывая себя, он покорно трусил рядом с белым плащом, помахивая свалывшимся грязным хвостом.

– Ну, заходи, собака. Сейчас соорудим тебе какой-нибудь завтрак или, скорее, обед.

Пес остановился в прихожей и настороженно огляделся. Он уже успел забыть, как выглядят многоэтажные дома изнутри. Это не было похоже на его прежнее жилище, и пахло здесь гораздо приятнее. В прихожей помимо её собственного было других странных запахов, которыми женщины так любят себя окружать и которые могут сбить с толку даже бывалую служебную собаку. Но она жила в этом доме не одна. Если принюхаться, то можно было различить недавнее присутствие мужчины. Он недовольно наморщил нос. С того момента, как он очутился один на улице, мужчин он не любил. Женщины, выносящие мусор или выходящие из магазина, были добрее, щедрее и сговорчивее. При овладении опреде-

ленными навыками манипуляции он мог бы вить из них веревки, как это делали опытные дворовые псы.

Хозяйка квартиры возилась возле плиты, а он все еще осматривал узкий коридорчик с двумя закрытыми дверями, ведущий прямо на кухню, и другой такой же, из которого была видна просторная светлая комната с мягким коричневым ковром посередине.

– Что ты застыл, как бедный родственник? Иди сюда. Не стесняйся. Нравится?

«Еще бы! – вздохнул он. – Последний раз в настоящем доме я был три большие луны назад. В моем собственном доме...»

Его грустные воспоминания были прерваны металлическим звоном миски, поставленной на пол, и он вразвалку проследовал на кухню мимо женщины, ведомый запахом вареной крупы и колбасы.

– Извини, сегодня на обед только рис с колбасой. Ты ведь нежданный гость, но такой симпатичный, – добавила она, словно боялась, что пес может обидеться на ее бестактность.

Он пропустил ее замечание мимо ушей, сосредоточившись на еде. За пару минут он дочиста вылизал миску, загнав ее лапой в угол, и поднял морду, на которой все еще был написан неутолимый голод. Она положила ему вторую порцию каши и нарезала колбасы. Все это время он безропотно стоял рядом, со скромным видом уткнувшись мордой ей в колени, словно процесс приготовления пищи его вовсе не волновал.

– Ешь, обжора, – ласково сказала она и погладила его по спине.

Он на секунду прекратил чавкать и покосился на женщину.

– Конечно, конечно, я не буду тебе мешать. Не сердись!

Со второй порцией он справился так же быстро, как и с первой. Ему все еще казалось, что есть можно бесконечно, но от приятной тяжести в желудке его внезапно потянуло в сон. Он лениво полакал воду в другой миске, подставленной к его морде заботливой рукой, и собрался улечься прямо посреди кухни, чтобы отдохнуть после трапезы.

– Нет, дружок. Поднимайся и отправляйся в ванну. С тебя грязь кусками отваливается. Нельзя быть таким чумазым поросенком.

И она слегка потянула его за ухо. Он помотал головой, отгоняя дремоту, и поплелся за ней.

«Зачем в ванну? – удивленно размышлял он. – Раньше отсюда меня всегда гоняли. А если испачкался, выносили тазик для мытья и тряпкой вытирали лапы».

В ее ванной было светло, как на улице, и вкусно пахло из разных пузырьков со стеклянной полки.

– Залезай, – голосом, не терпящим возражений, командовала женщина и отвернула кран.

Вода шумела и брызгалась, а он с недоумением переводил взгляд с хозяйки дома на маленький водоворот на дне ванны, образовавшийся вокруг черной дырки.

– Ну что ты тянешь время. – Она легонько подтолкнула его в бок. – Сначала я тебя основательно вымою, а уж потом ты сможешь спать, сколько захочешь.

Он потянулся мордой к струе воды, и стены обдал фонтан брызг. Пес дернулся назад и плюхнулся на хвост.

«Не полезу», – твердо решил он.

– Сейчас, подожди.

Она вытерла руки о розовое полотенце и вышла, закрыв за собой дверь. Вода неожиданно фыркнула, и в кране что-то угрожающе зарычала и завыло. Он прижался носом к двери и жалобно заскулил.

«Откройте, откройте! Я ничего не сделал! За что?»

Дверь тотчас распахнулась, и женщина с трудом удержала рвущегося наружу пса.

– Чего ты испугался, малыш? Я здесь, все хорошо.

В руках у нее было мягкое цветное полотенце. Она положила его на стиральную машину и опустилась на корточки рядом с собакой.

– Все очень просто, – заботливо объясняла она, почесывая его за ухом. – Сначала ты ставишь туда передние лапы, а потом задние. Это не трудно, я помогу.

Пес, замороженный ласковым голосом, не ожидал подвоха, когда она неожиданно выпрямилась, обняла его под грудью, приподняла и поставила грязные лапы в воду.

Он сделал произвольное движение вперед и не успел опомниться, как оказался стоящим в воде. И сразу же страх

ушел. Женщина сняла блестящий металлический шланг с распылителем, и на лохматую спину мягко обрушился теплый и чистый дождь. Вода возле сливного отверстия из прозрачной мгновенно стала серо-коричневой, а пыльная волнистая шерсть отяжелела и распрямилась. Ласковые руки гладили его по груди и спине, спускались вниз по лапам, почесывали живот.

«Наверное, это и есть счастье», – в блаженном беспмятстве подумал он, но тут она положила шланг на дно ванны и обильно полила ему спину вязкой жидкостью из пузатого пузырька.

– Это просто шампунь, не бойся, глупенький. Теперь ты будешь самой чистой в мире собакой.

Он повернул голову и попытался слизнуть шуршащую белую пену с плеча.

– Нет, милый, это не вкусно, – засмеялась она. – Зато теперь от тебя будет пахнуть как на престижной выставке. Однажды я попала на такое шоу. Там собак поливали туалетной водой и лаком для волос, словно в парикмахерском салоне. Мне кажется, тебе не захочется пахнуть, как диванная болонка. Знаешь, я всегда хотела собаку. Но папа терпеть не мог собачьего запаха, а когда он умер, мама так и не решилась купить мне щенка... – Женщина перестала намывать левую переднюю лапу и посмотрела ему в глаза. – Слушай, может быть, ты захочешь быть моей собакой?

«Твоей собакой? Не знаю, не знаю, – засомневался он. –

Однажды меня уже выставили за порог. Не думаю, чтобы мне это понравилось еще раз. Хотя... Конечно, в домашней жизни есть определенные преимущества».

Он вспомнил полную миску риса с колбасой и вместо ответа лизнул ее в щеку.

– Будем считать, что мы договорились, – улыбнулась она и подняла над ним шланг.

Через полчаса он, вымытый, насухо вытертый, наотрез отказавшийся от черной жужжащей штуковины со струей горячего воздуха, спал в комнате возле кресла, положив лохматую голову на влажные лапы. Ему снилась вода, целое море воды, и он бил лапами, поднимая фонтаны брызг, и хватал зубами желтый мячик, отнятый у молодой овчарки. Мячик все время старался ускользнуть, а овчарка металась по берегу и не решалась намочить лапы. Пес перевернулся на другой бок и блаженно улыбнулся во сне. А потом он заснул так глубоко, что уже не мог видеть сны, и громко захрапел, перевалившись на спину и разбросав мокрые лапы.

Когда он проснулся, потеряв ощущение времени, в комнате было почти темно, а на кухне слышались голоса. Он еще немного повалялся, с удовлетворением вспоминая события прошедшего дня, потом поднялся, потянулся, зевнул и степенно направился на звук знакомого голоса.

– Я даже не сомневаюсь, что эту работу поручат именно тебе. У них нет больше специалистов такого класса...

Он толкнул носом дверь и остановился на пороге. Жен-

щина оборвала начатую фразу и замолчала, а мужчина, сидевший за столом лицом к окну, проследил за ее взглядом и обернулся. На нем были потертые джинсы и клетчатая рубашка с расстегнутым воротом, а на ногах почему-то отсутствовала обувь.

«Неужели и этого она подобрала на улице? – неприязненно подумал пес. – Когда только успевает? Сейчас тоже поможет и положит спать».

Настроение сразу испортилось, и, склонив голову набок, он укоризненно посмотрел на свою спасительницу.

– Зойка, это что еще такое? – с возмущением воскликнул мужчина и брезгливо отодвинулся в сторону. – Откуда он взялся?

И тут пес вспомнил этот терпкий запах, который вместе с другими обитал в прихожей, когда он утром переступил порог дома. Значит, это и его дом. Не повезло.

– Я не успела тебе рассказать, Витя. Я нашла его на улице. Он был такой голодный и замученный... Можно, я оставлю его себе?

Зойка говорила заискивающим тоном и явно чувствовала себя виноватой.

– Да ты с ума сошла! Такая здоровенная псина! Его же не прокормишь. Избавься от него немедленно.

– Но, Витенька...

– Пошел, пошел вон...

Мужчина замахнулся на собаку. Пес попятился и зары-

чал, грозно оскалив молодые белые зубы. Женщина бросилась между ними, обхватила пса за шею и с умоляющим лицом обернулась к мужчине.

– Он такой добрый. И ест не много. Я сама буду с ним гулять. Пожалуйста, разреши ему остаться. Мне так одиноко одной дома. А он не будет тебе мешать. Правда ведь, Бони? Его зовут Бони, Бонифаций...

«С чего это вдруг! – возмутился оскорбленный пес и попытался вырваться из нежных объятий. – Никогда меня не звали таким дурацким именем. И ем я не так уж мало, если, конечно, дают».

– Пожалуйста, Витя. Пожалуйста!

Женщина снизу просительно смотрела на мужчину, который с недовольным видом возвышался над ними обоими.

«Надо же так унижаться перед этим типом, – раздосадованно заметил про себя пес. – Какой-нибудь ротвейлер давно бы ему в горло вцепился, а мы с ней вынуждены хвостом вилять. Ну, это до поры до времени...»

Женщина прижималась к нему и часто дышала в ухо. Он вздохнул и запоздало удивился, что подумал о ней, как о родном существе, хотя со времени их знакомства прошло всего несколько часов.

Виктор оценивающе прищурился, разглядывая собаку, потом поморщился и милостиво махнул рукой.

– Да вроде он даже породистый. Черт с ним, пусть поживет. Но учти, если эта псина попытается отколоть какую-ни-

будь штуку, живо окажется на улице.

Он отвернулся, демонстрируя клетчатой спиной, что на сегодня разговор закончен, и взялся за ложку. Женщина быстро поцеловала Бони в блестящую морду с колючими черными усами, крепче обняла и одними губами шепнула. «Обошлось!»

«Я-то породистый, – раздраженно подумал ньюф. – А насчет тебя мы еще посмотрим, что ты за птица. Сдается мне, что не все в этом доме так гладко, как кажется на первый взгляд. Но обижать ее я не позволю – так и знай. Она меня нашла, она и будет моей хозяйкой».

Он попятился, осторожно высвободился из женских рук и вернулся в комнату на мягкий ковер возле кресла. Зойка вошла следом и прикрыла дверь в коридор.

– Ты не сердись, пожалуйста. Мы сразу не договорились, но я буду звать тебя Бони, ладно?..

«Да, ладно! – Он приветливо стукнул хвостом по полу. – Называй, как хочешь».

– Он неплохой, только строгий, – тихо продолжила она. – Но это его квартира, и здесь мы оба с тобой – гости. Я помогу тебе не совершать ошибок, но и ты тоже должен постараться и не подводить меня, иначе тебя выгонят, а у меня будут большие неприятности. Понимаешь?

Бонифаций, конечно, все понимал, но этот плохо пахнувший и злой человек ему категорически не понравился, будь он хоть трижды хозяин квартиры. Чтобы сохранить лояль-

ность, по-видимому, придется приложить немало усилий. Но ради нее, ради вновь обретенного уюта и заботливых рук он готов был потерпеть. «Поживем – увидим», – философски рассудил пес, оставив свое мнение при себе.

Женщина устроилась с ногами в кресле, а Бони сел напротив, приготовившись выслушать инструкцию по пользованию квартирой.

– По утрам Виктор рано уходит на работу, – негромким голосом продолжала Зойка, словно не хотела быть услышанной на кухне. – Я переводчик. Работаю дома, вон там. – Она показала на стол, придвинутый к окну. – Обычно я занята днем пять или шесть часов, и еще вечером, если нужно. Иногда я уезжаю, чтобы отдать работу и взять новую. Остальное время мы сможем проводить вместе. Гулять утром и после обеда.

Он с пониманием завилял хвостом, услышав ласкающее слух слово «обед».

– Какая ты умница, – расцвела она. – Мы будем играть, делать покупки. Я познакомлю тебя со своими друзьями. Но ты должен обещать, что будешь послушным мальчиком, чтобы мне не было за тебя стыдно.

Она протянула руку и почесала его за ухом. Бони придвинулся ближе и положил тяжелую морду ей на колени, приподняв брови домиком и заглядывая ей в глаза.

– В прихожей нет места, поэтому спать ты будешь здесь. На диваны и кресла залезать нельзя. Нельзя грызть обувь

и ножки у стульев. И лаять тоже нельзя, ты ведь не деревенская дворняжка, а благородный пес. Ну, ты, я думаю, все это и сам знаешь. Ведь когда-то ты был домашним.

«Конечно, – хотелось ответить ему. – Но меня бросили. Выгнали, как надоевшую муху! А ты не выгонишь меня?»

Он жалобно заскулил и привалился к ее коленям.

– Ну что ты, малыш! Все у нас будет хорошо. Я всю жизнь мечтала о такой собаке, как ты. А теперь надо быстренько прогуляться, а то время уже позднее. Виктору пора ложиться.

Зоя встала, и пес тут же поднялся и направился к двери вслед за ней.

– Витя, мы ходим погуляем, – крикнула она в сторону кухни и надела плащ и туфли.

Он мрачно хмыкнул что-то неопределенное и даже не обернулся.

В лифте хозяйка молчала, и Бони пристально следил за каждым ее движением. Казалось, она была расстроена. Уже выходя из подъезда, она спохватилась:

– У тебя же нет ни ошейника, ни поводка. Но, надеюсь, ты не сбежишь.

«Вот еще! – Он с возмущением тряхнул ушами. – Что я, по-твоему, шавка безмозглая? Я уже набегался по улицам, хватит! Так просто тебе от меня не избавиться!»

Он степенно шествовал рядом с ней, опустив морду и плавно покачивая хвостом, как примерная домашняя со-

бака. Он почти не реагировал на встречных собак, и лишь притормаживал возле деревьев и столбов, чтобы совершить собачий ритуал.

Когда они вернулись в квартиру, он терпеливо дождался, пока она сходит за влажной тряпкой, чтобы привести в порядок его лапы. В комнате на диване Виктор, развалившись, смотрел телевизор и не обратил на их возвращение никакого внимания. Женщина с виноватым видом опустилась в свое кресло и сделала вид, что интересуется происходящим на экране. Пес тоже засмотрелся на движущиеся картинки и незаметно для себя задремал.

– Ну, все, – прервал его сон мужчина, и яркий экран потух. – Пошли спать.

Зоя покорно поднялась, и только сейчас Бони заметил, что в комнате есть еще одна дверь, за которой скрылся Виктор.

– Спокойной ночи, ушастый! – тихо и ласково попрощалась она и, погасив свет, ушла вслед за ним.

Бонифаций приблизился к двери и ткнулся носом в щель. Мужчина и женщина тихо переговаривались, перемещаясь по комнате, потом заскрипела кровать, и стало тихо. Он улегся на пороге и нахмурился. Зоя ничего не говорила про эту комнату, когда инструктировала его о нормах поведения, и он гадал, что скрывается за дверью.

Полночи он промаялся, шумно вздыхая, но не смея каким-либо другим образом привлечь ее внимание, но она так

и не появилась. Под утро он переместился к приоткрытому окну и, в конце концов, заснул беспокойным сном, а легкий сквозняк перебирал длинную шерсть у него на загривке.

Почти сразу после звонка будильника дверь открылась, и пес бросился под ноги женщине с радостным повизгиванием. От нее пахло теплой постелью и уютом.

– Здравствуй, маленький! – сонно сказала она и потрепала его по спине. – Пойдем, я приготовлю нам завтрак.

Он пошел за ней, но на пороге комнаты вспомнил что-то и остановился. Дождавшись, пока она скроется на кухне, он вернулся к загадочной двери и боднул ее головой. Она тихонько открылась, и Бони вошел в полутемную спальню с большой кроватью посередине. С одной стороны кровати одеяло было откинута, а над смятой подушкой витал запах ее волос. Он сунул морду под край одеяла и фыркнул. Одеяло недовольно зашевелилось, и пес попятился и сбежал, не дожидаясь грубого окрика. На кухне он то и дело тыкался мокрым носом ей в колени, терся об ноги, словно кошка, выказывая всяческие знаки внимания.

– Ну, потерпи, потерпи, – уговаривала Зоя. – Позавтракаем и пойдем гулять. Только Виктора проводим на работу.

При упоминании этого имени у него сразу испортилось настроение. Он отошел в угол и уперся взглядом в сумрак коридора, ожидая появления мужчины. Тот не заставил себя долго ждать и вскоре громко хлопнул дверью в ванну.

«Началось, – с обидой за женщину подумал Бонифаций

и вздохнул. – Как будто мы без него не могли позавтракать. Хорошо, что хотя бы до вечера его не будет».

Ранняя трапеза прошла в напряженном молчании. Его миска была основательно наполнена куриным супом с двумя горстями сухого «геркулеса».

«Неплохо для первого завтрака на новом месте», – удовлетворенно решил он, вылизав до зеркального блеска свою посуду.

– Молодец, Бони, – вяло похвалила его хозяйка. – А теперь будь хорошим мальчиком и подожди меня в комнате.

Когда через двадцать минут за мужчина собрался и ушел, женщина словно ожила. Она влетела в гостиную и, подхватив пса под передние лапы, закружилась с ним по комнате. Они были почти одного роста, и он лизнул ее в лицо и радостно завилял хвостом, неловко переступая задними лапами.

– Собирайся, Бонька, мы идем покупать тебе ошейник, поводок, миски, еду, игрушки. Все, что твоей душе будет угодно.

Про еду и ошейник он все понял, но о каких игрушках шла речь? Хотя это было не так важно. Главное, что они остались одни, и в их распоряжении был целый день.

На улице он так же, как и вчера, гордо шел рядом с новообретенной хозяйкой, высокомерно разглядывая встречных собак. Возле магазина она наклонилась к нему и неожиданно строгим голосом произнесла:

– Сейчас я зайду внутрь и куплю все, что нам надо, а ты жди меня здесь и никуда не уходи. Понял?

Он внимательно выслушал наставление, но едва она сделала несколько шагов в сторону магазина, как он тут же поднялся и направился следом. Женщина обернулась:

– Сидеть, Бони. Я кому говорю, сидеть!

Бонифаций неохотно сел и, склонив голову набок, посмотрел ей в глаза.

– Молодец, – с энтузиазмом похвалила она и исчезла за стеклянной дверью.

Спустя несколько минут ему стало казаться, что ее нет целую вечность, и он потихоньку начал терять терпение. Двери то и дело открывались и закрывались, сквозь них проходили десятки людей, а хозяйка все не появлялась. Он начал проявлять явные признаки беспокойства: вставал, описывал круги на маленькой площадке перед магазином, заглядывал в стекло, снова возвращался на место.

– Что, бросили тебя, барбос? – спросила какая-то сердобольная старушка, и этот жестокий вопрос пробудил в нем горькие воспоминания о несправедливости и одиночестве.

Бони негромко тявкнул, поднял морду и завыл, не спуская глаз со входа в магазин. Люди, идущие мимо, испуганно оглядывались на мощную собаку без ошейника. Кто-то упомянул милицию...

– Что ж ты делаешь, разбойник! – Зоя, растолкав входящих, подбежала к нему. – Нас с тобой сейчас оштрафуют или

даже арестуют, если ты будешь хулиганить.

Бонифаций не услышал ее слов, а если бы и услышал, наверняка ничего бы не понял из этой загадочной фразы. Он принялся прыгать вокруг нее, как разыгравшийся щенок, норовя лизнуть в лицо, а она, смеясь, уворачивалась от его медвежьих объятий. Через несколько минут его безудержная радость поутихла, и женщине удалось застегнуть на его шею широкий кожаный ошейник с металлическими заклепками. Щелкнул блестящий новенький карабин, и пес, высунув розовый язык, затрусил по дорожке рядом с хозяйкой, позвякивая короткой цепочкой. Ее правую руку оттягивала увесистая сумка.

Дома они с азартом разбирали покупки, сидя прямо на полу в кухне. Бони было позволено покатасть по полу новые миски, обнюхать два больших пакета с нарисованными собаками, которые хозяйка почему-то называла словом «еда», и стать обладателем ворсистого желтого мячика, точь-в-точь такого же, как у овчарки во сне. Еще из сумки были извлечены три замороженные сахарные косточки, которые она показала, но съесть не дала, какие-то свертки, пузырьки и большая расческа с жесткими металлическими зубцами. От обилия покупок у него голова пошла кругом. Столько подарков в один день он не ожидал.

– Боюсь, я тебя избалую, а, малыш?

Когда они пришли в комнату, Зоя резким движением подняла над головой мячик, и пес напряг лапы, пригото-

вившись к прыжку. Она взмахнула рукой, и Бонифаций бросился к балкону, в последний миг успев заметить, что мячик полетел в противоположном направлении.

– Обманула, обманула! – радостно закричала Зоя, пока он, пробуксовывая, словно автомобиль на зимней дороге, разворачивался в сторону коридора.

Через двадцать минут оба, тяжело дыша, валялись на ковре, вяло перекатывая друг другу мокрый мячик.

– Все, ушастый, поиграли и хватит. Мне уже давно пора работать.

Пес лениво приподнял морду и проследил, как женщина поднялась с пола и села за письменный стол. Зашумел большой ящик, включился экран. Она склонилась над книжкой, задумалась и легко пробежала пальцами по белой доске с кнопками.

Бонифаций уронил голову на лапы и закрыл глаза. Это оказалось чертовски здорово – быть ее собакой.

Пролетели несколько безмятежных дней, и он окончательно утвердился в мысли, что больше ему не грозит оказаться на улице. Глубокая миска каждое утро была полна вкусных хрустящих кусочков, и хозяйка встречала его на пороге кухни с неизменной улыбкой.

– Ешь, собакин мой. Больше тебе не придется голодать. Я так рада, что нашла тебя. А ты?

По вечерам в доме негромко бухтел телевизор. Зоя чи-

тала или гладила стопку белья. Желтый мячик терпеливо ждал утренней прогулки возле кресла, а Бони, развалившись на мягком ковре, изредка приподнимал голову и обводил комнату довольными карими глазами. Виктор много времени проводил на кухне в телефонных разговорах, и Бонифаций чувствовал себя почти хозяином в доме. И лишь одна мысль не давала ему покоя.

«Сейчас она пожелает мне спокойной ночи и опять закроет эту дверь. Почему? Почему я не могу спать в той комнате рядом с ее кроватью?»

Несколько раз, когда наступал напряженный момент расставания, он пытался удержать ее, предложив в качестве развлечения побросать изрядно обгрызенный мячик, но она оставалась нежна и непреклонна.

– Нет, Бони, уже поздно. Пора спать.

– Зойка, ты оторвешься, наконец, от этой псины? – раздавался из-за двери недовольный мужской голос.

– Вот видишь, малыш, он сердится, – шептала она на прощанье и целовала его в теплую морду. – Спи.

Бони грустно принимал неизбежность расставания на целую ночь. Но однажды его нервы сдали. Он увернулся от протянутой руки и демонстративно направился к балкону. Зоя со вздохом посмотрела ему вслед и, не поддавшись на шантаж, исчезла в спальне. Услышав, как щелкнул замок, он громко рухнул на пол, как мешок с костями, и зажмурился. Сон обходил его стороной, но и за закрытой дверью, похо-

же, никак не засыпали. Там слышались голоса, потом они перешли на шепот, потом раздался тихий смех, и он насто-рожил уши. Некоторое время, казалось, ничего не происхо-дит, потом кровать жалобно заскрипела, и он услышал звук, от которого шерсть у него на загривке поднялась дыбом, и он мгновенно вскочил на лапы. Женщина тихонько стонала. Он подождал и прислушался, потом подошел ближе и ткнулся в щель под дверью носом. Нет, ему не послышалось. Ей опреде-ленно было плохо. Из комнаты доносился шум борьбы, он слышал тяжелое дыхание мужчины и ее слабый голос:

– Что ты делаешь... Ох, Витя...

– Заинька, Зойка...

Пес волновался, топтался в нерешительности, не зная, о чем и думать. Потом Зоя негромко вскрикнула... Этот звук стал сигналом к атаке. Бонифаций зарычал и бросился всей тяжестью на дверь. Раздался глухой удар, но преграда устоя-ла. Тогда он попробовал еще раз и еще. И, поняв всю тщет-ность борьбы с бесчувственной деревяшкой, залаял и при-нялся скрести когтями пол. Женщина в спальне затихла, за-то Виктор заорал, как бешеный:

– Пошел вон, скотина! Спать!

Но пес в ответ на грубость хрипло ответил грубостью, продолжая то копать, то таранить дверь.

– Скажи ему немедленно, чтобы он заткнулся!

– Бони, малыш, ну что ты... – Она на расстоянии угова-ривала его, как ребенка. – Все в порядке, не волнуйся, все

хорошо. Иди на место.

Но он-то знал, что ничего не хорошо. Что пять минут назад ей было плохо, и оставлять ее наедине с врагом нельзя.

– Я так не могу! Загони этого ублюдка на кухню! – взревел мужчина.

– Сейчас, сейчас. Только не волнуйся!

Было не понятно, к кому обращены ее утешения, и оба – пес и мужчина – продолжали бесноваться. Наконец в комнате послышались торопливые шаги, и Зоя выскочила к собаке в наспех накинутом халате.

– Бони, все хорошо, успокойся. Ничего не случилось.

Пес замолчал, едва увидел хозяйку, и радостно облизал ей руки и лицо. С ней действительно все было в порядке. Но запах... От нее пахло мужчиной. Он не мог ошибаться, инстинкт подсказал верный ответ – это был запах взрослого самца.

На несколько мгновений пес замер, доверившись чуткому носу, а потом обескураженный отступил и брезгливо оскалится. Быть не может, но его хозяйка тоже делала «это»!

«Как ты могла! С этим грубым, злым, уродливым гадом. Я так люблю тебя! Я за тебя готов умереть!» Впервые ревность отчетливо дала себя знать, и Бони тихо и жалобно заплакал, отодвигаясь от ее руки, которая гладила его большую лохматую голову.

– Все хорошо, Бонечка, все хорошо... Давай поспим.

Она совсем не понимала его боли, не замечала безысход-

ности в темных собачьих глазах, а он не знал универсального языка, на котором мог бы объяснить ей свои чувства и сомнения.

Когда она снова вернулась в ненавистную комнату, он ушел в прихожую и улегся на грязный коврик. Он никак не мог успокоиться. Неожиданное открытие, тайна запертой двери была почти равносильна предательству. Когда-то давно его просто выгнали из дома, выкинули, как ненужную вещь. Но этой ночью ему показалось, что случилось нечто не менее ужасное – он потерял женщину и ее любовь.

«Каждая приличная собака выбирает лучшего из псов, самого сильного, самого красивого. А что она нашла в нем? Он ничем не лучше других, даже хуже. И потом... Они делали это ночью, в темноте, за закрытой дверью, как будто боялись чего-то. И эти ужасные звуки! Наверное, ей не нравится делать „это“ с ним, а он заставляет. Ей плохо, но она не смеет признаться. Но ведь все бывает не так, лучше...»

С этой утешительной мыслью он и уснул, вздрагивая и поскуливая во сне.

С первыми лучами солнца еще до будильника он проснулся в отвратительном настроении, совершил привычный утренний обход квартиры, без удовольствия повалялся на ковре. Солнце было уже высоко, но Зоя почему-то не выходила. Бони был глубоко обижен, и только чувство голода подтолкнуло его к ненавистной двери. Он тихонько поскребся, и вскоре она появилась на пороге.

– Привет, малыш, – шепотом сказала хозяйка. – Ну, и устроил же ты концерт этой ночью. Знаешь, как мне за тебя попало?

Она пошла на кухню, продолжая разговаривать с собакой. Бони покорно плелся сзади.

«Почему этот тип не уходит на работу? – злился и недоумевал пес. – Неужели он весь день проведет дома и будет мучить нас своими придирками?»

– Сегодня у всех выходной, – словно отвечая на незаданные вопросы, сказала женщина. – Мы с друзьями поедem в лес, будем жарить шашлыки, купаться в речке, петь песни. Тебе точно понравится, ушастый. Может, Гена возьмет свою Магду, тогда тебе будет с кем побегать.

– Даже не думай, – раздался за ее спиной хриплый после сна голос. – Эту скотину я в машину не возьму.

Бони обернулся и с нескрываемой ненавистью посмотрел на Виктора, слегка обнажив клыки.

– Но, Витя, как же так? Я ведь обещала ему... – начала женщина, но в ванной уже громко щелкнул замок, и зашумела вода.

«Эта его отвратительная привычка все время выражать свое недовольство...» – раздраженно подумал пес и встретил ее взгляд.

Зоя растерянно смотрела на собаку, потом пожала плечами и отвернулась к плите. Бони мрачно вздохнул и улегся возле стола. Он готов был обидеться на весь мир. В открытое

окно врывались детские голоса и автомобильные гудки, пахло пыльным городом, и ему так не хотелось оставаться дома одному. Он закрыл глаза и уткнулся носом в ножку стола.

Виктор вышел из ванной, готовый позавтракать субботней яичницей, и, проходя мимо, раздраженно пнул его ногой в бок. Пес ощерился, но вовремя спохватился, молча заполз под стол и принялся наблюдать за перемещением двух пар ног по кухне.

– Не понимаю, Витя, – после долгой паузы раздался голос женщины. – Почему ты так настроен против него. Разве он помешает?

– От него и в доме грязи довольно, шерсть по углам, облюбованные мячики. Не хватало еще, чтобы он мне всю машину изгадил.

– Неправда! Где ты видишь шерсть? – обиделась Зоя. – Я каждый день его вычесываю и постоянно подметаю.

– Это ничего не меняет! Он грязная псина, – отрезал Виктор и переключил свое раздражение на женщину. – А ты не смей огрызаться!

– Что ты, я же ничего такого не сказала. – Она испуганно замолчала, но через минуту не выдержала. – Давай все-таки возьмем его. Дома ему тесно и скучно. А целый день на природе пойдет ему на пользу. Побегает с Магдой по травке, а вечером будет спать без задних лап.

– Я все сказал, – оборвал ее мужчина. – Хватит болтать, следи за плитой! Заладила, как сорока: «Давай возьмем! Да-

вай возьмем!» Скажи спасибо, что я вообще терплю его в доме. Ничего, посидит один, не сдохнет со скуки.

Пес под столом тихонько заворчал. Зоя испуганно обернулась.

– Заткнись! – прикрикнул на него мужчина.

Некоторое время на кухне царила тишина, прерываемая только позвякиванием ложки о сковороду. В воздухе витал чудесный запах яичницы с ветчиной и зеленым горошком.

«Не хочу! Ничего не хочу, – горестно думал пес, накрыв лапами нос. – За что мне такое наказание? Чем я провинился? Неужели меня никто не любит?»

Женщина наклонилась и поставила возле холодильника собачью миску, полную каши вперемешку с кусочками сырого мяса. Бони жадным взглядом проследил за ее рукой, но даже не шелохнулся. Женщина приподняла край скатерти, присела рядом и ласково посмотрела на собаку.

– Ты чего, малыш? Смотри, я приготовила тебе кое-что вкусненькое. Иди же скорей.

Бонифаций приподнял голову, внимательно посмотрел ей в глаза и отвернулся.

– Ну же, детка! – Она нежно провела ладонью по черной морде, потянула за ухо. – Ты что, голодовку объявил? Вить, мне кажется, он обиделся!

– Да оставь ты его в покое! Он обиделся, – передразнил ее мужчина. – Это всего лишь собака, притом дурная собака, и нечего ему приписывать человеческие чувства. Не хочет

жрать – пусть не жрет. Что ты с ним нянчишься? Лучше иди собирайся, а то опять провозишься, как всегда.

Он раздраженно допил свой черный кофе и, даже не поблагодарив, вышел из-за стола.

– Знаешь... – остановила его женщина и сама испугалась своей решимости. – Я вспомнила... Мне надо срочно завтра сдать статью, а за вечер я не успею. Тебе придется поехать одному.

– Ты из-за псины?..

Он изумленно посмотрел в ее полыхающее ярким румянцем лицо.

– Ну что ты, просто так получилось... – виновато солгала она и прижала ледяные ладони к щекам.

– Какая же ты все-таки... – Виктор презрительно окинул ее взглядом, отвернулся и, уже выходя из кухни, негромко добавил: – Дура.

Она без сил опустилась на табуретку и зажала ладони между коленей. Бони подполз ближе и попытался лизнуть холодные пальцы.

«Спасибо, Зойка!»

Ее отказ поехать на природу без своей собаки пробился сквозь его неумную обиду и наполнил преданное собачье сердце благодарностью. Будучи псом с большим сердцем, он умел видеть и ценить благородство в других.

Зоя рассеянно почесала лохматую шапочку между его ушами и надолго ушла в ванную. За шумом льющейся во-

ды пес не сумел расслышать, как она горько плачет, сидя на скользком кафельном полу. Виктор вышел из дома через несколько минут, даже не потрудившись сказать женщине обычного «до свидания».

Несколько месяцев Бони казалось, что он рядом с ней обрел собачий рай. Он отъелся, шерсть отросла и заблестела, походка приобрела уверенность и твердость. Пес чувствовал себя важным и желанным и из кожи вон лез, чтобы доказать хозяйке свою любовь и преданность.

Единственное, что серьезно осложняло его жизнь, была ревность. Бонифаций безнадежно ревновал хозяйку к чужим собакам и потому, никогда не обученный быть защитником, охранял ее не хуже добермана «от злобных производителей». Он не позволял ей восхищаться встречными псами, и хозяева любопытных четвероногих спешили взять их на короткий поводок при приближении черного великана.

Но, пожалуй, еще сильнее Бони не любил мужчин. Ни одному незнакомцу не дозволялось завести с Зоей разговор на улице или просто вторгнуться в их личное жизненное пространство. Стоило женщине остановиться на прогулке дольше, чем на несколько минут, пес ложился у ее ног, являя собой картину полной безмятежности. Но горе тому мужчине, который пытался завести с ней разговор. В один миг вальяжный увалень с резвостью хищника, учуявшего дичь, вскакивал, заполняя собой расстояние между женщи-

ной и нарушителем границ. Его шоколадные глаза темнели от гнева, нос морщился, обнажая зубы, шерсть на загривке вставала дыбом.

– Бонька, ревнивец ужасный, ты отобьешь у меня всех кавалеров, – веселилась она. – Ты ведь не на службе. Смотри на мир проще.

«Как же, проще!» – внутренне ворчал он и оглядывался в поисках новых врагов. Ему хватало и одного соперника в борьбе за ее любовь.

И все-таки какое счастье – проводить дни в играх и блаженном безделье, не заботясь ни о пропитании, ни о ночлеге!

– Ну же, лентяй, давай!

Зоя подняла высоко над головой замусоленный мячик и подмигнула ему, приглашая продолжить игру. Бони задрал голову и проследил за ее движением.

– Давай же, прыгай! – подначивала она.

Он вопреки команде уселся и дружелюбно завилял хвостом.

– Ах ты, слон!

Одну руку она все еще держала над головой, а другой попыталась растормошить ленивого пса. Бони замотал головой, отбиваясь от ее цепких пальцев.

– И пожалуйста! – притворившись обиженной, протянула женщина. – Не хочу больше играть.

Бони ослабилась, притворно вздохнул и, неторопливо

поднявшись во весь рост, взгромоздил передние лапы ей на плечи. От неожиданности женщина охнула и присела под его тяжестью. Пес вытянул шею и осторожно взял зубами мячик.

– Слезай! – Она невольно сделала шаг назад и оказалась притиснутой к стене значительным собачьим весом. – Отпусти меня немедленно!

Бонифаций близко-близко смотрел ей в лицо и улыбался. Он был большим, сильным и уверенным в себе. Он не только любовался ею, но и гордился собой. Но стоять на задних лапах было трудно, поэтому он выпустил ее из объятий и уселся рядом, подняв к ней довольную морду.

– Злая, злая псина, – обиженно сказала хозяйка, потирая плечи. – Ты совсем ничего не соображаешь? На себя посмотри – какой ты здоровенный! Не смей больше никогда так делать, а то у меня позвоночник сломается.

Она прошла мимо него в гостиную и без сил повалилась в кресло. Он занял место у ее ног, бросив в коридоре ненужный теперь мячик. Заглядывая в лицо хозяйке, Бони понимал, что она не сердится, а лишь изображает обиду. А он был доволен, как никогда.

Поначалу он не задумывался, кто из них был главным. Он полностью признавал ее авторитет, а ее слабости или моменты взаимного непонимания прощал снисходительно, как и подобает умной и воспитанной собаке. Он во многом зависел от женщины и легко мирился с этой приятной зависимо-

стью. И вот пять минут назад ситуация в корне изменилась. Зоя не смогла бы с ним справиться, пожелай он применить силу. Впервые он был хозяином положения, вожаком. Практически мужчиной.

В замке два раза повернулся ключ. Бонифаций приподнял тяжелую голову и прислушался – это была не хозяйка. Ради Виктора тащиться в прихожую он не собирался. Сквозняк принес ненавистный терпкий запах из синего пузырька. Тонкой струйкой он проплыл мимо собачьего носа, и неожиданно следом за ним потянулся незнакомый запах цветочной клумбы. Бони повел носом и удивленно приподнял брови. Цветами обычно пахли женщины, но никто из Зоиных подруг не пользовался этими духами. Пес неохотно поднялся и медленно вышел в коридор.

Его заметили не сразу. Виктор снимал пальто, а возле зеркала охорашивалась незнакомая женщина с коротко стриженными светлыми волосами. Бони замер на деликатном расстоянии и сквозь зубы произнес обычное приветствие.

– Господи! – Женщина вздрогнула и выронила расческу. – Какой огромный! Витенька, ты не говорил, что у тебя собака!

– У меня и нет собаки. Эту скотину Зойка притащила с улицы, – раздраженно ответил он и, увидев, что Бони подошел совсем близко, прикрикнул на пса: – Пошел на место!

«Вот еще!»

Бони и ухом не повел, продолжая бесцеремонно рассмат-

ривать и обнюхивать гостью.

– Он симпатичный, – подумав, признала женщина. – Только уж очень большой. Он не кусается?

– Конечно, нет, лапочка, – вкрадчиво сказал мужчина и обнял ее за талию. – Эти собаки ленивые и добродушные. Только выглядят устрашающе.

«Ну, это до поры до времени! – усмехнулся про себя Бони. – Комнатную собачку тебе из меня все равно не сделать!» Но он был обескуражен тоном, каким Виктор отвечал незнакомке. С хозяйкой он никогда не был таким внимательным и заботливым.

Бони посторонился, пропуская гостью в комнату, и пошел следом, вдыхая приторный летний запах. Женщина оглядела гостиную и обернулась к Виктору, который, ничего не говоря, молча увлек ее за плечи в спальню. Щелкнул замок, и пес в недоумении остался сидеть перед закрытой дверью. Он неторопливо раздумывал, что бы это значило, но знакомые звуки скоро вывели его из состояния оцепенения. С гостьей Виктор делал то же, что и с хозяйкой. Бони не представлял, расстроится ли Зоя, если ей станет известно об этом визите, но чувствовал, что однажды он сможет использовать свое знание против давнего врага. Пес улегся на ковер, положил голову на лапы и принялся ждать. За окнами стало темнеть, и он потихоньку задремал, когда дверь неожиданно открылась. Женщина чуть не споткнулась об огромную собаку и испуганно отпрянула назад.

– Собачка, как же ты меня напугала! Отойди, пожалуйста, мне надо идти.

Бонифаций про себя усмехнулся и сел, загораживая ей выход. Вслед за гостьей в дверях появился Виктор:

– Пошел на место, чертов бездельник, – бросил он и сделал решительный шаг в направлении собаки.

Злорадное сознание собственной силы наполнило сердце пса. Он поднялся на ноги и с угрозой в голосе зарычал. Этот аргумент оказался на редкость убедительным – Виктор подался назад, не спуская с него глаз.

– Ты что, спятил? Ну-ка отойди, – уже не так уверенно попросил он.

Но рядом не было любящей и нежной Зойки, которой всегда удавалось сгладить взаимную неприязнь между соперниками. Пес был предоставлен самому себе и своей долго копившейся ненависти. Он не перешагнул порог запретной зоны, но и выпускать мужчину до прихода хозяйки, пожалуй, тоже не собирался.

– Витя, – забеспокоилась женщина. – А если вернется твоя жена?

– Надо постараться его отвлечь, – вскипая яростью, тихо произнес Виктор и притворно ласковым голосом добавил: – Бони, а где твой мячик? Куда ты положил свой любимый мячик?

Бонифаций, склонив голову набок, внимательно посмотрел на врага, потом скосил глаза на кресло, под которым мир-

но покоился хозяйкин подарок. Мячик лежал на месте, поводов для беспокойства не было, и Бони во весь рост растянулся на пороге спальни, не сводя глаз с людей.

– Что же делать, Витя? По-моему, он собирается караулить нас до ее прихода, – чуть не плача, прошептала носительница цветочного запаха.

– Сейчас я что-нибудь придумаю, – занервничал Виктор, оглянувшись на большие настенные часы, и потер рукой лоб.

– Ну, Бонифаций, хорошая собачка, – жалобным голосом обратилась к лохматому стражу женщина. – Позволь мне, пожалуйста, выйти. Иди на свое место, ладно?

«Бог с тобой, – помедлив, сжалился пес. – Против тебя я ничего не имею. Иди домой и больше здесь не появляйся».

Бони неторопливо поднялся и демонстративно отошел в сторону, пропуская женщину. Она робко по стенке обошла равнодушно наблюдающего за ней пса. Но едва мужчина сделал движение следом, как пес одним прыжком вернулся на прежнее место у двери и угрожающе оскалился. Виктор отпрянул и громко выругался.

– Витенька, я пойду, – раздался из коридора неуверенный голос.

– Я позвоню тебе завтра, детка, – крикнул он поверх песьей головы. – Все было просто восхитительно...

Щелкнул замок во входной двери, и одновременно с ним Виктор с ненавистью захлопнул дверь в спальню перед носом собаки.

– Я это запомню тебе, скотина, – донесся до Бони крик бессильной ярости.

Бонифаций усмехнулся и со спокойной совестью покинул боевой пост. Когда вернется Зоя, он с еще большей радостью встретит ее в прихожей и расскажет, как ему удалось досадить врагу.

«Жаль только, что она совсем меня не понимает, – с грустью думал он, поудобнее устраивая голову на лапах. – Мы бы вместе посмеялись над его трусостью. Едва ли бы я смог броситься на него, но этот слизняк здорово перепугался!»

Однако месть врага не заставила себя долго ждать. Однажды морозным зимним утром после прогулки Зоя с особенной нежностью обняла своего любимца и грустно призналась, что должна уехать на несколько дней к маме.

– Тебе придется побыть с Виктором. Я понимаю, что взаимное общение не доставляет вам радости, но постарайтесь, пожалуйста, не съест друг друга в мое отсутствие.

Когда она уже стояла в дверях, Бони расплакался и схватил ее зубами за край пальто, стараясь удержать. Все было напрасно, она в последний раз поцеловала его и заперла квартиру. В замке два раза повернулся ключ, и пес остался ждать вечернего прихода Виктора. В тоске он бродил по квартире, тыкался носом в ее любимое кресло, скулил под дверью и ловил чужие запахи на лестнице.

Виктор заявился домой поздно. Он был слегка пьян и потому весел.

– Пойдем, скотина. У тебя есть десять минут, чтобы сделать свои дела на улице. Дольше торчать на морозе я не намерен.

Бони позволил надеть на себя ошейник и поплелся за мужчиной на прогулку.

Всю ночь он промаялся в прихожей, прислушиваясь к шорохам в подъезде, и только под утро забылся тяжелым сном. Его разбудил осязаемый пинок в живот.

– Вставай, чего разлегся! Вот бесполезная туша, не пройдешь, – пробурчал Виктор, направляясь в ванную.

Бонифаций долго сидел возле пустой миски, наблюдая, как мужчина поглощает свой завтрак. Тот не обращал на собаку ни малейшего внимания, с сомнительным интересом разглядывая привычный вид за окном. Не дождавшись утренней порции, пес отправился в коридор, по дороге заглянув в полуоткрытую дверь ванной, где Виктор брызгал себе в лицо едкой жидкостью из синего пузырька. Тот с нехорошей усмешкой посмотрел на пса.

– Тоже хочешь освежиться? – и направил ядовитую струю в морду собаке.

Бонифаций завизжал от резкой боли в глазах, чудовищного запаха, разрывающего ноздри и проникающего в горло, горького вкуса во рту. Он отпрянул, ударился задом в стену и закружился на месте, стараясь лапами стянуть с се-

бя мокрую болезненную маску. Он слышал над собой смех мужчины, с удовольствием наблюдающего за его мучениями, и ненавидел, ненавидел его больше всего на свете.

– Ну, все, пойдём на улицу!

Виктор грубо схватил его за толстую шкуру на загривке и выпихнул на лестницу. Полу ослепший от боли, пес с трудом двигался вниз по лестнице, подталкиваемый ботинком врага.

– Что это с вашей собакой, Витя? – сочувствующе спросила хозяйка маленькой неуклюжей таксы, возвращающаяся с прогулки.

– А вам какое дело?

Виктор вызывающе посмотрел на пожилую женщину. Она испуганно посторонилась, пропуская их на улицу.

Бони больше не скулил, а только чихал и попеременно тер лапами слезящиеся глаза. Виктор пинками гнал его перед собой в сторону парка. Они шли уже минут пятнадцать, и пес не сопротивлялся, памятуя о просьбе хозяйки быть по возможности «хорошей собакой». Возле оврага мужчина внезапно остановился.

– А теперь катись на все четыре стороны и не вздумай возвращаться назад!

Бони окаменел. Он все понял: его просто вышвырнули на улицу, как и в прошлый раз, когда он был еще несмышленым щенком. Но теперь он хотя бы знал, за что. Им было тесно под одной крышей. В доме мог остаться только один

мужчина, и сейчас сила была на стороне врага.

Виктор повернулся и пошел обратно. Пес инстинктивно тронулся за ним, но, сделав десяток шагов, остановился и прислушался к внутреннему голосу. А внутренний голос советовал не спешить назад, обмануть врага, усыпить его бдительность и во что бы то ни стало дождаться Зою.

Бони спокойно дал мужчине уйти, оставшись один посреди заснеженных деревьев. Подумав, он сунул измученную морду в снег один раз, потом другой, чтобы поскорее избавиться от ненавистного запаха и рези в глазах. В парке, как всегда, было просто чудесно. Жаль только, что в своем нынешнем положении он не мог оценить ни звенящей тишины, ни беличьего запаха возле сосны, ни пушистых сугробов, в которых можно прятаться от хозяйки. К вечеру он устал от своей свободы и вернулся в знакомый двор. Голодный и замерзший он прождал возле подъезда несколько долгих часов, но вечером Зоя не вернулась. Ночь он провел в закутке на заднем дворе большого магазина, прячась от пронизывающего ветра и изредка наведываясь к мусорным бакам. Утром он сбегал в парк проверить, не появились ли на дорожках хозяйкины следы, но быстро потерял надежду и вернулся к дому. Чтобы как можно реже попадаться людям на глаза, в светлое время дня он прятался между гаражами, а когда стемнело – занял наблюдательный пост под моргающим фонарем наискосок от подъезда. Когда дом погасил окна, Бони тяжело вздохнул и вернулся в свое ночное убежище.

В ожидании пролетело трое суток, и он уже успел привыкнуть к ежедневному обходу двора, парка, помойных баков и гаражей. К концу четвертого дня повалил снег, быстро превратив неподвижно сидящую собаку в белый сугроб. Бонифаций поднялся, чтобы размять окоченевшие лапы, отряхнулся, обежал пустую детскую площадку и чуть не проворонил возвращение Зои.

Она вошла в подъезд, когда уже совсем стемнело, и пес со всех лап кинулся за ней через двор, едва не попав под белую иномарку. Дверь закрылась и через несколько секунд открылась снова, выпуская соседку с верхнего этажа с таксой в стеганой жилетке и мягких сапожках. Бони едва не сбил женщину с ног, до полусмерти напугал таксу, но все равно опоздал. Лифт уже закрылся, и ему ничего не оставалось, как броситься вверх по лестнице.

Он слышал, как остановился лифт, и из последних сил рванулся на звук открываемой двери. Почему-то в тот момент он забыл, что может позвать ее, просто окликнуть по имени. Он, тяжело дыша, карабкался в гору, словно альпинист. Дверь квартиры захлопнулась в тот момент, когда он добрался до лестничной площадки. «Бонька! Бонечка, мальчик мой, ты где?» Она звала его по ту сторону двери, и в ее голосе слышалось беспокойство.

«Я здесь, Зойка, я здесь! Открой мне! Я так скучал! Я люблю тебя!» Все чувства, переполнявшие его с момента ее отъезда, вырвались наружу и слились в едином хриплом, от-

чаянном лае.

Дверь распахнулась, и он, грязный, исхудавший, со смерзшейся в сосульки шерстью и слезящимися глазами ввалился в прихожую, чуть не сбив ее с ног.

– Бони! Где ты был?! – Она обхватила его за шею и заплакала, стоя на коленях в прихожей. – Бонечка! Собачка моя! Дружочек мой!

Он не помнил, что она говорила ему, не помнил, что отвечал. Он, не разбирая, лизал ее вязаную шапку, щеки, мокрые от слез, подбородок и замерзшие пальцы и тоже плакал.

После бурных объятий, когда они слегка успокоились, женщина сбросила сапоги, стянула через голову свитер и открыла дверь в ванную:

– Иди скорей!

Когда вокруг черного отверстия в ванне образовался маленький водоворот, пес забрался внутрь и с блаженным выражением на морде подставил грязную спину под теплую струю воды.

Последнее воспоминание этого дня об огромной миске хрустящего корма и желтом ломте сыра было начисто стерто глубоким сном, в который он провалился, как в бездонную яму, уткнув нос в ножку хозяйкиного кресла.

Больше они никогда не вспоминали эти злосчастные дни, но Бони заметил, что отношения Зои и Виктора заметно ухудшились.

Однажды утром хозяйка была задумчива и упорно не замечала его попыток обратить на себя внимание. После утренней прогулки, которая прошла в неожиданном молчании, она, как обычно, села к столу, но ей не работалось.

– Слушай, Бонька. – Зоя повернулась к лежащему возле кресла псу, и он вскочил на ноги с резвостью щенка. – В последнее время мне снятся странные, даже загадочные сны...

Бонифаций подошел ближе, сел рядом и склонил голову набок, готовый выслушать ее рассказ.

– Мне снится, что я – это ты. Вернее, я – это собака, и я вижу все, как собака, и чувствую тоже. Это глупо, да? Я ведь не знаю, как ты видишь и чувствуешь. Но во сне все кажется невероятно живым и реальным. Я гуляю по улицам, гоняюсь за голубями, у меня четыре лапы и я не умею говорить. Но зато я вижу столько всего, чего не замечала раньше! – Она замолчала, заглядывая в неведомое ему пространство своих снов. – А сегодня. Только не смейся, ладно? Сегодня мне приснилось, что ты – это я, и еще был Витя. Он пришел домой с женщиной, но это была не я, я ведь была собакой и встретила его у двери. Он обнимал эту женщину, называл ее ласковыми именами, и я хотела сказать ему, что я – это я, Зойка, но у меня ничего не получалось. Он старался отогнать меня прочь. Я ничего не понимаю, Бони. Сон был такой яркий, какой-то весь настоящий и страшный. У меня никогда еще не было такого ощущения реальности, как в этот раз. Наверное, я сошла с ума, да?

«Наконец-то! – обрадовался Бони, подметая хвостом ковер. – Теперь-то ты увидела... Не знаю, как мне это удалось, но я все-таки смог показать тебе его настоящее лицо. Конечно, ты никогда не знала его таким, как это довелось мне. И синий пузырек, и три ночи в мороз на улице... Брр! Не прощу, никогда не прощу!»

– Может, и правда что-то не в порядке? – прервала она его мысли. – Может, надо сходить к врачу?

«Гнать его поганой метлой! – в ответ яростно залаял пес. – Он нам жизнь отравляет, а ты носишься с ним, как с яйцом! Когда же ты поймешь! Я хочу, чтобы ты не только видела, но и осознала, что твои сны – это и есть настоящее!...»

– Тише, тише, малыш! – Женщина гладила разволновавшегося пса. – Что это с тобой? Ты из-за меня так переживаешь? Хотела бы я знать, о чем ты думаешь...

«А как я бы хотел! – с тоской подумал Бонифаций. – Несправедливо, что ты не понимаешь моего языка, ведь мне так много нужно тебе сказать.»

Почти год он прожил в новом доме. Неожиданно легко забылась его прежняя, неприкаянная жизнь. В конце концов, он перестал беспокоиться о своем будущем и допускать прежнего хозяина в свои сны. У него было все, что нужно псу для полного счастья и даже, наверное, больше, потому что Виктор говорил, что Зоя его избаловала. Бони не знал, что значит «избаловала». Он просто принимал ее любовь и от-

давал ей свою без остатка. Вряд ли она стала бы рассказывать его врагу, что в дни его отсутствия собаке разрешалось спать рядом с ее кроватью и будить ее по утрам преданным взглядом и осторожным прикосновением мокрого носа.

Но однажды Виктор вернулся из очередной командировки под утро, когда Бонифаций спал так крепко, что не услышал ни шелканья замка, ни шагов в гостиной. Мужчина остановился возле кровати и, наполнив комнату отвратительным запахом спиртного, громко сказал, обращаясь неизвестно к кому:

– Так вот как ты проводишь ночи в мое отсутствие!

Женщина и пес проснулись одновременно и с сонным недоумением уставились на хозяина дома.

– Уж лучше бы мужика себе завела, чем спать с собакой, – язвительно продолжил он. – Хотя кому ты нужна, такая...

– Что случилось, Витя? – Зоя села в постели, подтянув к подбородку одеяло. – Почему ты так рано? И в таком виде?..

– Значит, ты изменяешь мне с собакой, – не унимался он.

– Иногда он спит здесь, это правда, но ведь в этом нет ничего предосудительного.

– Да ты так влюблена в него, словно он тебя...

– Витя! – почти закричала она. – Зачем ты говоришь такие гадости! Он ведь просто пес.

– И я хочу, чтобы больше его в этом доме не было. Тебе понятно? Я не желаю видеть здесь эту скотину. У меня до-

статочно проблем и без него!

– Витенька! – Зоя выбралась из-под одеяла и подошла к мужчине. – Успокойся и расскажи, что случилось. Я вижу, что тебе плохо. Я помогу.

– Иди ты к черту со своей помощью!

Виктор швырнул дипломат на пол возле кровати и выскочил в коридор. Зоя поспешила за ним, а Бони остался лежать на прежнем месте, чувствуя, что его присутствие рядом с ней только ухудшит ситуацию в доме.

С кухни доносились громкие голоса. Мужчина кричал, а женщина старалась его успокоить, потом раздался стук падающей табуретки, и Бони вскочил на ноги.

– Как ты мне осточертела со своим кобелем! В последний раз предупреждаю, когда я вернусь, чтобы этой твари здесь не было. Что хочешь с ним делай: подари, усыпи, сдай на жи-водерню...

Виктор изо всех сил захлопнул входную дверь, и Бони услышал, как женщина заплакала. Понимая, что произошло нечто ужасное, Бонифаций со всех ног бросился на кухню, взгромоздился лапами ей на колени, облизал мокрое от слез лицо.

«Не плачь, не плачь, – надрывно скулил он, – этот человек не стоит твоих слез. Только не плачь, прошу тебя! Я вижу, как тебе тяжело, и все это из-за меня. Ну и был бы я уличным псом! Зато ты могла бы быть счастлива! Отведи меня на другой конец города, далеко-далеко, чтобы я не смог найти об-

ратную дорогу, потому что иначе я все равно вернусь к тебе. Я буду искать тебя всегда! Я родился, чтобы быть твоей собакой, только твоей! Я знаю, тебе не достаточно одной моей любви, а мне нечего тебе отдать, кроме своей преданности. Не плачь, Зайка, не плачь!»

– Бонечка! – Она обхватила его шею руками, крепко прижала к себе. – Я не знаю, что делать!.. Я не понимаю, что с нами происходит!.. Он больше не любит меня!

Пес дернулся, освобождаясь из ее объятий. «Даже сейчас ты думаешь о его любви, а не обо мне! Но я докажу, докажу тебе, что он предатель!»

Женщина скорчилась на табуретке, закрыла лицо руками, горестно раскачиваясь из стороны в сторону.

Бони с трудом развернулся в узком проходе и помчался в комнату, оскальзываясь на поворотах. Он вломился на запретную территорию, ослепленный жадой мести, поискал налитыми кровью глазами, на чем бы выместить злость и, не придумав ничего лучше, с рычанием набросился на черный кожаный дипломат, едко пахнувший синим пузырьком. Он трепал его из стороны в сторону, ронял и снова подхватывал, рвал зубами мягкую обивку, царапал когтями блестящие холодные замки. Внезапно дипломат раскрылся, и множество бумажек, ручек и всякой ерунды, пропитанной ненавистным запахом врага, вывалилось на пол возле кровати. С новыми силами он накинулся на всю эту кучу и принялся разбрасывать ее по ковру в спальне. В пылу гнева он не услы-

шал, как Зоя вошла в комнату. Она остановилась на пороге и в ужасе схватилась за голову:

– Боже мой, Бонька, что ты натворил!

Этот крик подействовал на него, как ушат холодной воды. Он отскочил в сторону, припал передними лапами к полу, слабо завилял хвостом, виновато наблюдая, как женщина торопливо собирает разбросанные по полу вещи и обрывки бумаг.

– Что же теперь будет, Бонька, что же будет!.. – то и дело безнадежно вскрикивала она, расправляя один листок за другим и укладывая их обратно в истерзанный дипломат. – Он просто убьет нас обоих, и тебя и меня.

Неожиданно она перестала собирать бумажки и медленно выпрямилась, держа одну из за уголок, будто ядовитую змею за кончик хвоста. Ее глаза бежали по строчкам, и по мере прочтения, недоумение на ее лице сменилось ужасом и отвращением. Перевернув листок, она дочитала до конца, смяла его в ладони и встретилась взглядом с Бонифацием. Он тихонько заскулил и отвел глаза.

– Ты все знал, да? Скажи, собака, ты ведь все знал?!

Бони не вполне себе уяснил, в чем дело. Он настороженно приблизился к хозяйке и ткнулся носом ей в кулак, сжимающий бумажку. В тот же миг ему все стало ясно: в ее пальцах тесно сплелись запах синего пузырька и цветочной клумбы.

«Ах, вот ты о чем! Ну, наконец-то ты все поняла. Он самый подлый предатель. Я не знаю, что написано на этом

листке, но прежней жизни у нас теперь не будет».

– Ты ведь пытался рассказать мне... Все эти месяцы хотел мне все объяснить, а я, слепая дура, ничего не замечала. Я не слушала тебя и свое сердце тоже не хотела слушать. Все ведь так просто: чтобы понимать другого, надо впустить его в свою душу. Прости меня, Бонька!

Пес слизывал с ее щек слезинки и смотрел понимающими глазами. Он хотел бы плакать вместе с ней, но не мог. Счастье переполняло его бешено бьющееся сердце, и он не мог с собой ничего сделать – большой лохматый эгоист. Отныне он остался единственным мужчиной в ее жизни. Теперь она принадлежала только ему.

Часом позже он помогал ей собирать вещи: таскал из углов безделушки, старые туфли, раскопал под кроватью давно заброшенный теннисный мячик – ее первый подарок – и бросил его возле набитой вещами сумки. Она едва улыбнулась и положила его внутрь.

Когда все вещи были уложены, они совершили последний обход квартиры. На несколько секунд она задержалась перед молчащим компьютером, опустила пальцы на клавиатуру, легко пробежала по белым клавишам. Бони вслед за ней заглянул в пустой экран и удивленно тявкнул:

«Разве мы собираемся оставить его здесь? А как ты будешь работать?»

– Нет, Бонька, – словно отвечая на его вопрос, сказала она. – Мы не заберем его. Нам не нужно ничего чужого.

Слово «чужой» было злым. Он хорошо усвоил это еще в детстве, когда прежний хозяин бил его за снисходительное отношение к посторонним людям на прогулке. Зоя никогда не произносила этого слова, и сейчас оно вызвало в собачьей памяти воспоминание о боли. Он не стал плохо относиться к людям, но он боялся и ненавидел это слово и все, что было с ним связано. Он долго захлебывался оглушительным лаем, и Зоя с трудом оттащила его от стола и увела в коридор.

– Да, малыш, – сидя на корточках возле собаки, говорила она. — У меня есть ты, и ты – лучшее, что осталось от прошлой жизни. Я научусь жить по-другому, еще не знаю как, но обязательно научусь. Без него, зато с тобой. Ты ведь никогда не предашь меня, правда, Бонька?

И по ее печальному лицу опять покатались слезы.

В автобусе он не спускал с нее глаз, не обращая внимания на входящих и толкающихся людей, но она не видела ничего вокруг. Он знал, что ей было больно, но ничем не мог помочь. Ему даже не было обидно за то, что на его морде впервые за все время появился остро пахнувший кожей намордник. Он волновался только за нее.

На вокзале она купила два билета – себе и ему, и он почувствовал гордость за то, что их обоих уравнили в правах. Так неожиданно началась их новая жизнь вдвоем.

За окнами электрички проносилась одна станция за другой, вагон постепенно пустел, и до конечной станции они доехали вдвоем. Зоя подхватила тяжелую сумку и вывела пса

на перрон. Мимо облезлого здания с надписью «Касса» вместе с несколькими пассажирами они вышли на автобусную остановку, окруженную чахлыми деревьями.

– Зойка! – послышался громкий возглас и женщина и собака дружно обернулись.

Им навстречу быстро шел высокий молодой человек в светлых брюках и темно-синем джемпере.

– Зойка, это ты! Не может быть! Каким ветром!..

Он так стремительно возник из ниоткуда и так спешил к ним, что инстинкт собаки, призванной охранять и защищать, оказался неожиданно парализованным.

– Володя!

Зоя сделала движение в его сторону, потянув за собой Бони на поводке, но тот внезапно уперся, потом шагнул вперед, оттесняя женщину мощным корпусом, и зарычал. «Назад!»

Незнакомец остановился, не решаясь приблизиться, а Зоя наклонилась и обняла собаку за шею.

– Ты что, малыш? Это свой, свой...

Она гладила пса по голове, ласково, как в первый раз, а Володя широко улыбнулся и протянул ему раскрытую ладонь.

– Давай знакомиться, телохранитель.

Бонифаций посмотрел Зое в глаза, тяжело вздохнул и неохотно качнул хвостом. Мужчина, еще один мужчина... В один миг его иллюзии были разрушены. Она не была его женщиной. Она принадлежала человеческому миру, и ее лю-

бовь к большой черной собаке ничего не могла изменить в законе природы. Она всегда будет заботиться о нем, она будет ему другом и хозяйкой, но никогда не поймет невысказанной нежности, звучащей в низком собачьем голосе: «Зойка, я так люблю тебя!»

В тот день, когда...

Когда мы проснулись утром, и он сказал, что я ему больше не нравлюсь, я не поверила.

– Как это, больше? А раньше нравилась?

– Раньше, да, – признался он, глядя честными глазами. – А теперь не нравишься.

– Странно. Ведь когда-то ты считал меня весьма привлекательной, – не без иронии напомнила я. – Тебе нравились мои глаза, мои волосы, мои руки... Дальше перечислять или сам вспомнишь? И куда, по-твоему, все это девалось?

– Все это при тебе, но ты стала другая.

– Ничего подобного! – вскинулась я. – Интересно, почему никто, кроме тебя, этих фатальных изменений не заметил. Более того, я нравлюсь очень многим. Сам Кшиштоф Занусси целовал мне руки и говорил, что я очаровательна.

– Ну, об этой истории я слышан, – с кислой усмешкой прервал меня он. – Конечно, я не могу похвастаться, что мировые знаменитости целуют мне руки. – На этих словах я фыркнула, ибо в чувстве юмора ему все-таки не откажешь. – Но я все еще в состоянии отличать добро от зла и красивое от малопривлекательного.

– Значит, по-твоему, я превратилась в малопривлекательное и злое существо, – зло сощурившись, подвела итог я. – Позволь узнать, почему? Что же такого случилось этой но-

чью?

Я взбила позади себя подушку и села в кровати, обхватив колени.

– Ничего, – сказал он и с виноватым видом отвел глаза. – Просто, мы встречаемся с тобой уже два года...

– Два года, три месяца и четыре дня, – мгновенно подсчитала я и изобразила на своем лице величайший интерес к его откровениям. – И что же?

И ничего. Он даже не смотрел в мою сторону. Он молча разглядывал прошлогодний календарь со стриженной красавицей, закутанной в чужие меха. Она стояла на полу босиком, и, судя по тайному вожделению на его лице, он надеялся, что под шубой она нагая, как новорожденная Венера. Раньше я нередко ловила его отрешенный взгляд на этой стене. Молчание затянулось, но мой неверный любовник словно не замечал неловкости момента.

– А если бы на мне была такая шуба, я бы нравилась тебе больше? – снова подала голос я.

– Дело не в шубе, – наконец решился он. – Наверное, я больше тебя не люблю.

– Да?.. – впервые в жизни я не нашлась с ответом.

Соглашусь, что любовь – дело тонкое. Никогда не знаешь точно, любовь это или дружба, привязанность, страсть или еще целый ряд эмоций, которые мы по привычке объединяем в красивом и затасканном слове. Но как легко он произносит это «не люблю» после стольких месяцев!

– Еще год назад я хотел на тебе жениться.

Судя по интонации, воспоминание об этом опрометчивом желании не доставляло ему радости.

– Не исключено, что через год или два я бы созрела для такого решительного шага... – без энтузиазма протянула я, тоже не испытывая восторга от обсуждения щекотливой темы.

– Но ты не желаешь брать на себя никаких обязательств. А теперь уже поздно, – безапелляционно заключил он и взял с тумбочки пачку сигарет.

Ничего себе поворот! Он, видите ли, хотел обязательств и стабильности. Он действительно делал мне предложения чуть ли не раз в месяц, а я старательно тянула время. В конце концов, мы просто перестали пережевывать эту тему, и мне на полном серьезе полегчало. Я вовсе не собиралась замуж ни за него, ни за кого другого. У меня была любимая работа, друзья, диссертация, собственная квартира и никаких обременительных повинностей. Почему же в угоду его собственническим инстинктам я должна была пожертвовать всем этим?

Какой уважающей себя женщине удавалось совмещать любимую работу с безотрадной мыслью, что дома ее ждет гора нестиранных рубашек и пустой холодильник? Какое удовольствие завалиться к друзьям на выходные и вспоминать, что муж совсем не в восторге от возвращения подвыпившей супруги под утро, а то и ближе к следующему вечеру? Как

можно работать над диссертацией, когда у тебя за спиной завыывает сиренами и стрекочет автоматной очередью боевик, о котором ты мечтала несколько недель, а завтра тебе сдавать третью главу, которая уже полгода не может родиться из тезисов. И во что, черт возьми, превратится твоя драгоценная квартира, когда в нее въедет мужчина с кучей железок, коробок, журналов и начнет делать замечания по поводу слоя пыли на журнальном столике?

А моим главным обязательством будет терпеть этот добровольный ад и делать счастливое лицо! Ну, нет! К такой концепции семейной жизни я была не готова, а другой у меня как-то не сформировалось.

Пока я обдумывала достойный ответ, он поднялся и отправился в душ, и мне ничего не оставалось, кроме как обратиться к ежеутреннему ритуалу. Завтрак мне удался просто восхитительный. Я даже пренебрегла кофеваркой и сварила кофе в турке, хотя занятия этого никогда не уважала и всегда считала его исключительно мужской прерогативой. Но сегодня я превзошла саму себя. С чего бы это? В ожидании его появления на кухне я испытывала то же волнение, что и в первый раз, когда после бурной ночи мы встретились за столом.

Но сегодня все было, конечно же, не так романтично. И в этом я убедилась, когда увидела его выходящим из ванной с зубной щеткой и бритвенными принадлежностями. На немой вопрос в моих глазах он неопределенно пожал пле-

чами и принялся укладывать вещи в сумку.

– В чем дело? Ты всерьез собираешься уйти от меня? – с замиранием сердца спросила я.

– Думаю, это единственно правильное решение.

Я без сил наблюдала, как он аккуратно складывает запасную рубашку, которая всегда была наготове в моем шкафу. Я даже не пыталась его остановить. Он принял решение, это ясно. Но ведь мы даже не ссорились в последние пару месяцев. Об этом я не преминула сообщить ему, когда ко мне вернулась способность мыслить здраво.

– Не ссорились, потому что почти и не общались, – вялым голосом проямлил он. – Мы смотрели телевизор, разговаривали по телефону, ужинали или завтракали и ложились в одну постель. Но я, в сущности, ничего не знаю о том, чем ты живешь. А ты не знаешь ничего обо мне. Мы перестали разговаривать.

Оказывается, у него была уже давно заготовлена своя версия развития событий, только я не готова была с ней примириться и разозлилась, что какой-то заурядный технарь обвиняет меня в неспособности поддержать беседу о чем угодно.

– А что я, собственно, должна была узнавать о тебе? Или ты хотел, чтобы я устраивала тебе допрос или исходила ревностью по поводу и без?

– Да я просто перестал интересоваться тобой!

Он впервые за долгие месяцы повысил на меня голос. И тогда я осознала, что он действительно уходит, и у меня

нет аргументов, чтобы его остановить. На кухне остывал завтрак, сквозняк разметал по всей квартире аппетитный запах его любимой яичницы с ветчиной, помидорами, зеленым горошком и сыром, а мужчина торопился поскорее покинуть мой дом.

– Да ты сам не понимаешь, чего тебе надо! – взорвалась я. – Я делала для тебя все! А у тебя хватает наглости в моем же собственном доме обвинять меня в... Да черт знает в чем!..

Я, пылая праведным гневом, вылетела из комнаты в тщетной надежде, что сейчас он удержит меня и уладит наши глупые разногласия. Как бы не так! Он и ухом не повел. На кухне мне с трудом удалось подавить в себе желание сдернуть со стола скатерть с тарелками и чашками, так заботливо сервированными всего несколько минут назад. Выместить раздражение мне удалось только на турке с кофе, который я с яростью выплеснула в раковину. Радости это мне, конечно, не подарило, потому что отмывать грязь все равно придется мне самой. Ну и пусть!

Пока я бесилась на кухне, мужчина перемещался по квартире, собирая остатки своих вещей. В конце концов, мы столкнулись в прихожей возле входной двери. Он был полностью одет и неловко переступал с ноги на ногу, не находя нужных слов.

Мне нужно было расплакаться, обнять его, согласиться на любые условия, как поступает каждая нормальная жен-

щина, когда боится потерять свое счастье.

– Вон! – сквозь зубы процедила я и распахнула дверь в наше раздельное светлое будущее. – И никогда, слышишь, никогда больше...

Он не дал мне продолжить мой страстный монолог и молча прошел мимо, вскинув на плечо дорожную сумку. Я захлопнула дверь и несколько бесконечных минут пыталась вникнуть в суть происходящего.

Еще вчера вечером у меня был мужчина, которого я знала два года, три месяца и четыре дня, которым я дорожила, которого любила и даже, втайне от всех, ревновала к знакомым и незнакомым женщинам. Еще сегодня ночью мы занимались с ним любовью, и все было хорошо. А утром он предал меня, ничего толком не объясняя.

Надо было что-то делать. Моя энергичная натура требовала принятия волевого решения все забыть и немедленной реализации альтернативного варианта счастливой жизни. Но раньше меня никогда не бросали, и как следует вести себя брошенной женщине, я не очень представляла. В голову приходил только один путь – срочно произвести замену. Недолго думая, я извлекла из сумочки записную книжку. Сгорая жадной мщеницей, я набрала номер старого приятеля. К счастью, не настолько старого, чтобы не стать частью моего спонтанно нарисовавшегося плана.

– Знаешь, старушка... – В его голосе не было слышно энтузиазма. – Это все, конечно, здорово... – Неожиданно он

перешел на шепот. – Только, давай, не сегодня. И не завтра, ладно? Как-нибудь я к тебе заскочу, и мы...

О светлых перспективах, которые он пытался нарисовать, я с трудом смогла догадаться лишь по некоторой последовательности звуков.

– Мне нужен мужчина сейчас, а не через две недели, – заявила я оскорбленным тоном. – Мне надо убедиться, что со мной все в порядке.

– В каком это смысле? – повысил голос приятель, от изумления позабыв о конспирации.

– Ты теперь не поймешь, – окончательно обозлилась я. – Так что тебя я смело вычеркиваю.

– Откуда? – еще сильнее удивился он.

– Да отовсюду! – заорала я, даже не предполагая, что и следующие пять звонков завершатся со столь же плачевным результатом.

Троих не оказалось дома, а по пятому телефону на меня с угрозами набросилась громогласная провинциалка с характерным южным акцентом.

«Ну и влип же ты, дружок. Почисти меня!» Я, не дослушав взбешенную женщину, повесила трубку и принялась листать страницы с менее перспективными кандидатами. И через сорок минут в моей записной книжке не осталось достойных мужчин, готовых занять освободившееся место. Итог утра оказался печальным – я пребывала в полнейшей изоляции.

Тогда я снова заметалась по квартире, экстренно взяв-

шись за разработку плана Б. Цели мои не изменились: надо было срочно найти кого-то, кто смог бы заставить меня не сожалеть о сегодняшнем утреннем разрыве. Вернуться к прошлому не получилось, значит, надо хорошенько осмотреться вокруг. В последние два года мне попросту не приходилось думать в подобном направлении. Разлюбивший меня мужчина долгое время был ключевой фигурой на черно-белой доске жизни, и менять его на жалкую пешку я по собственной воле не собиралась.

Но он с обычным мужским эгоизмом принял решение, даже не спросив моего мнения на этот счет.

Стоп, я вспомнила! Сегодня одна моя знакомая собирает у себя два десятка бездельников по случаю, если не ошибаюсь, помолвки. Не помню, получала ли я официальное приглашение на эти посиделки, но позавчера мой давний приятель, чье имя по какой-то причине не удостоилось чести быть вписанным в записную книжку, настойчиво приглашал меня составить ему компанию. Только бы разыскать его номер.

Я перерыла кучу бесполезных бумажек и даже заглянула в корзину для бумаг в поисках этого телефона. Ах, вот он! Александр. Я лихорадочно принялась крутить пожелтевший от старости диск, заедающий между цифрами «4» и «5».

– Знаешь, я передумала, – с ходу заявила я удивленному поклоннику, едва успев поздороваться. – Заезжай за мной около четырех. И не вздумай сказать, что идешь не один!

Как все-таки мало нужно, чтобы осчастливить челове-

ка! Он, естественно, собирался идти один, а теперь приедет за мной в половине четвертого, и бесконечно рад... Но я поторопилась свернуть разговор под предлогом, что мне нужно навести красоту.

О да, сегодня я должна превзойти саму себя настолько, чтобы этот мерзавец, который только что сбежал из моего дома вместе со своими скучными претензиями, всю оставшуюся жизнь локти себе кусал.

Я собрала в охапку переполненные вешалки в шкафу и разом бросила их на свое опустевшее ложе. Какое платье надеть? Это была серьезная проблема. Одно – старое, другое – слишком официальное, с третьим еще сложнее – слишком откровенный разрез. Хотя... Почему бы, собственно, и не откровенный? Мне скрывать нечего – фигурой бог не обидел. А для мести подойдет только самое шикарное, самое сексуальное. Вот это. Маленькое черное платье с фантастическим декольте. Сама не знаю, на чем оно только держится. Если только на моем желании удержать – то с одного плеча сползет, то с другого.

Наряд выбран, осталось заняться собой. Стоя в душе, я попыталась вспомнить, почему же этот Александр меня не заинтересовал ни при первой, ни при последующей встречах. Кажется, он разведен и платит алименты на двоих детей. Работает в каком-то случайно сохранившемся с доисторических времен НИИ. Увлекается теннисом. Блондин. Нет, решительно ничего в нем нет! И все-таки надо найти хоть

что-то привлекательное. Ну, скажем, рост. Роста в нем хватит на двоих – почти метр девяносто пять. Мне всегда нравились высокие мужчины. И еще я всегда могла договориться с собой, когда это было нужно для пользы дела. Не то, что с этим предателем...

Воспоминания снова захлестнули меня мутной волной, и я едва смогла сдержаться, чтобы не зареветь, как последняя дура. Однако поворот ручки холодного крана мгновенно привел меня в чувство. Я с визгом выскочила из-под ледяных струй и в боевом настроении принялась собираться в гости.

Не верящий в свое счастье Александр приехал с цветами. Стоял в дверном проеме, ссутулившись, и тискал в руках букет из пяти роз.

– Ты зачем их сюда-то притащил? – в недоумении спросила я, разглядывая себя в зеркале, и бесцеремонно поправила застёжку на чулке.

Его растерянное отражение рядом с моим самоуверенным густо покраснело, но обожающих глаз не отвело и робко протянуло мне розы.

– Это тебе!

– С ума сошел?

Я обернулась, позабыв вернуть подол на место, и уставилась на поклонника, как на привидение.

– Ты как-то сказала, что любишь розы и шампанское. – Кажется, он смутился еще больше. – Но шампанское я не взял,

потому что мы едем в гости, и я за рулем.

– Спасибо, конечно. Я не ожидала.

Я была тронута его благородством, и тут же попыталась вспомнить, когда в последний раз тот, другой, приносил мне цветы, пусть даже мелкие занюханые хризантемы. Но вспомнить не удалось, а времени оставалось в обрез. Я поправила сползающее с плеч платье и водрузила букет в нелепую хрустальную вазу, доставшуюся мне от бабки.

В машине на заднем диванчике лежали еще три цветка, гораздо проще подаренных мне. Он перехватил мой торжествующий взгляд и осторожно улыбнулся. Теперь я знала о нем гораздо больше, чем он бы решился мне рассказать. Вопрос только в том, готова ли я выслушать его откровения о сомнениях и надеждах. А если на вечеринке мне встретится кто-нибудь более подходящий? Нет, пожалуй, сейчас еще не время делать выбор, чтобы впоследствии не сожалеть об утраченных возможностях. Этот герой, в любом случае, уже на крючке.

Галочка была ужасна. То есть, она, конечно, была мила и очаровательна и даже не возмутилась моему бесцеремонному вторжению, но ее отвратительный брючный костюм грязно-розового цвета... А в остальном все было на месте: и голубые глаза с длинными ресницами, и фарфоровые щечки, и мелкие светлые кудряшки. Эдакая Мальвина! Но цвет!.. Этот цвет напомнил мне облупившийся розовый домик на турбазе, где мы отдыхали вдвоем с моим невер-

ным любовником почти два года назад. Полторы недели лил дождь, простыни впитывали влагу не хуже морской губки, а вода в кране была только с восьми вечера до часу ночи, но неизменно ледяная, как в проруби. Брр!

Определенно воспоминания о загубленном отпуске и подлом предателе не прибавили мне настроения. А тут еще Александр осторожно взял меня под руку, демонстрируя присутствующим наше сомнительное единство. Я решительно высвободилась и отправилась в путешествие по квартире, чтобы познакомиться с новыми лицами, желательно мужского пола, и отдать долг вежливости уже известным. Мой спутник послушно двигался за мной.

Галочкин жених оказался очень даже ничего. Невысокий худой брюнет с темными глазами и смуглой кожей. Мне всегда нравился такой тип мужчин, но, увы, сегодня он считался чужой собственностью. Остальные восемь представителей противоположного пола не произвели на меня практически никакого впечатления. Хотя, наверное, надо было просто дождаться начала застолья. После определенного количества выпитого алкоголя разница между чужим женихом, Александром и всеми остальными может быть безвозвратно утеряна.

Я откровенно заскучала. Однако, мое декольте обратило на себя внимание. Маленькое черное платье было самым вызывающим и элегантным, и все взоры оказались прикованы ко мне, пока я не заняла свободное место напротив заинтри-

гованного жениха. Справа от меня примостился погрустневший Александр.

Дальше события развивались по вполне предсказуемому сценарию. После нас приехала еще одна пара, и вечер перешел в активную стадию, то есть началась обыкновенная пьянка со стандартным набором тостов. Никаких сюрпризов, кроме официального объявления о посещении ЗАГСа, не предвиделось. Впрочем, моя бывалая интуиция подсказывала мне, что скандала не избежать. Жених, которого звали Борисом, с каждым тостом все откровеннее раздевал меня глазами, а Галочка, розовая и воздушная, как японская вишня, вместо того, чтобы светиться и благоухать, подливала себе в рюмку коньяк и старалась вовсе не смотреть в мою сторону.

Бедная девочка, я вовсе не желала ей зла! По большому счету мне не нужен был ее ближневосточный Боря. Я всего лишь хотела любым способом вернуть своего хладнокровного друга с его невыразительной прибалтийской внешностью.

Черт возьми, это случилось! Я призналась себе, что хочу его обратно. Не думала, что мое оскорбленное самолюбие в первый же вечер сделает такое беспринципное признание. Но после утреннего происшествия мне требовался другой мужчина, хотя бы для того, чтобы убедиться, что без этого зануды я за два года разучилась существовать.

В конце концов, гости утомились методично жевать и вливать в себя рюмку за рюмкой, и кто-то включил магнитофон.

Мой непьющий спутник предложил потанцевать, но желающих получить этот приз оказалось больше, чем можно было ожидать, и я предпочла одного из неизвестных мне мужчин. Борис танцевал со своей невестой и с лисьей ухмылкой поглядывал в мою сторону. Под его белой рубашкой легко угадывались мускулистые руки и спина. В пиджаке он казался гораздо более худым, даже хрупким. Его неотступный взгляд заводил меня почище выпитого. На излете последних аккордов я решила, что следующий танец достанется ему.

В компании доброго старого Джо Дассена мы чувствовали себя лет на десять моложе. Темноволосый мужчина нежно обнял меня за талию и коснулся щекой моих волос. От него исходил терпкий запах дорогого одеколона.

– Наконец-то мы познакомимся с тобой поближе, – прошептал он мне на ухо и едва заметно сократил расстояние между нами.

– А что на это скажет твоя невеста? – так же тихо спросила я и осторожно запустила острые коготки в его плечо.

– Этот вопрос я урегулирую позже. А что скажет твой спутник?

Его рука свободно скользила по моей спине, с каждым разом спускаясь все ниже. Горячие волны желания захлестывали нас, в ушах шумело. К счастью, музыка стихла, а вслед за ней на гостей обрушился целый шквал быстрых ритмов. После третьего рок-н-рола Борис, переводя дыхание, улучил момент и быстро спросил меня:

– Ты не куришь?

– Нет, – так же быстро отреагировала я. – Но если ты хочешь покурить...

Через минуту на площадке верхнего этажа мы целовались, как школьники. Хотя со школьниками нас уравнивал страх пропустить появление патруля в лице разъяренной Галины или одной из ее подруг. Это было чертовски трудно, потому что платье на моих плечах уже не удерживалось никаким желанием, а его руки то и дело натыкались на резинки моих чулок. Его горячие солоноватые губы не давали мне ни минуты передышки, и, теряя над собой контроль, я уже взялась за язычок молнии на его брюках...

– Так вот вы где, – услышала я над собой взволнованный голос Александра.

Вот уж кого я совсем не ожидала увидеть в роли цербера. Я отстранилась от чужого мужчины и попыталась привести себя в более или менее пристойный вид.

– Уйди! – хрипло сказал Борис. – Имей совесть!

Но мой теннисист не собирался оставлять свою партнершу в чужих руках.

– Тебя там подруга обыскала, – мрачно заметил он. – А нам уже пора, время позднее.

Я сквозь ресницы с интересом наблюдала, чего стоило Борису взять себя в руки. Но настоящий мужчина никогда не опустится до скандала, и он нежно провел ладонью по моей щеке на прощанье и отправился успокаивать розо-

вую невесту.

А терпеливый, как заботливый папаша, Александр принялся приводить меня в порядок. Не без труда ему удалось вернуть мое платье на место, поправить выбившиеся из прически локоны, стереть носовым платком остатки помады с моих губ. Я подивилась его выдержке, ведь он сам хотел бы оказаться на месте этого черноглазого завоевателя. Мужчина решительно взял меня за руку и как непослушного ребенка повел вниз по лестнице. Мои ноги предательски подгибались то ли от излишков выпитого, то ли от не доведенных до логического завершения ласк. Спустившись на несколько ступенек, я ощутила, что теряю равновесие, и безвольно прислонилась к его плечу или, скорее, к локтю, потому что до плеча даже на девятисантиметровой шпильке я не дотягивала.

– Пойдем домой, принцесса. – Он почти благоговейно поцеловал мои пропахшие дымом волосы. – Я уложу тебя спать.

В глубине души я была благодарна ему деликатность, хотя объясняться на эту тему у меня не было никакого желания. Мы ушли по-английски, вернее, он нашел мою сумочку в бурлящей квартире, пока я безвольно ждала его на лестничной площадке у лифта. Конечно, ему удалось предотвратить скандал, может быть, даже спасти еще не начавшуюся Галочкину семейную жизнь, но мои планы на сегодняшний вечер полетели к черту.

Мы молча сели в машину и отправились в обратный путь. Я бездумно следила глазами за унылым пейзажем и, как никогда прежде, чувствовала себя разбитой и одинокой.

– Что с тобой, моя красавица? – ласково спросил он, притормозив на перекрестке, и погладил меня по плечу.

Глупая девчонка! Ну, разве трудно было сдержаться? Целое море слез выплеснулось наружу, и в нем утонули мои невнятные стенания. Пока я рыдала, размазывая по лицу косметику, он свернул в какой-то переулок и остановился.

– Милая моя, умница, не плачь!

Он утешал меня, нашептывая мне на ухо самые невероятные имена. Сквозь слезы я отметила, что никто раньше не называл меня такими чудесными словами. Его шепот обволакивал меня, как шуршащая шапка пены в теплой ванне. Я теснее прижалась к нему и, кажется, даже начала проваливаться в сон... Из блаженного оцепенения в его объятиях меня вывел резкий звук сигнализации у соседнего подъезда. Очнувшись, я подняла голову, и в ту же минуту натолкнулась на его губы. И все вокруг исчезло: и руль, который мешал нам стать ближе, и сигнализация, и мои слезы. Куда же я смотрела весь вечер! Его поцелуи сводили меня с ума, а слова заставляли забыть о том, как ужасно начался этот день.

– Я люблю тебя, я уже давно люблю тебя... – твердил он.

Почти пять месяцев назад мы познакомились с ним на университетском корте. Надо ли говорить, что играл он великолепно, и после первого же проигрыша я категориче-

ски отказалась когда-либо вступать с ним в соревнование. А он следил за каждым моим движением, давал полезные советы и в перерывах покупал мне кока-колу.

Какая кока-кола? Что за чушь лезет мне в голову?

Теперь во власти его рук я хотела только одного – оказаться с ним в спальне, где на стене обнаженная красавица куталась в меха, но он ни разу не дал мне возможности произнести хоть слово. Не знаю, сколько прошло времени, пока, наконец, он нашел в себе силы оторваться от меня и включить зажигание.

– Отвези меня домой, скорее, – тяжело дыша, попросила я, хотя и так было ясно, что торопить его нет нужды.

Нам некогда было думать о последствиях, и, едва за нами закрылась дверь, Александр снова заключил меня в объятия.

– Я бы хотел остаться, – робко попросил он, и вместо ответа я протянула ему большое махровое полотенце.

Когда в ванной зашумела вода, я прошлась по квартире, стараясь собраться с мыслями. Ничто явно не напоминало мне о недавнем присутствии другого мужчины, и все-таки он был здесь. В смятых простынях, в коллекции видеокассет, в огромном альбоме Босха, который он принес мне на Рождество. Но через несколько минут чужой мне человек займет его место постели, а утром будет пить кофе из его чашки...

И я почти физически ощутила, как все последующие годы мне будет одиноко в моей квартире без этого скучного сбегавшего эгоиста. В нашей квартире. И задумалась.

А почему, собственно, я убеждена, что у меня не получится совмещать любимую работу и домашнее хозяйство, как у любой нормальной женщины? Да и надо ли их совмещать? И разве я не устала от бесконечных «девичников» и «мальчишников», из-за которых уже кануло в Лету столько выходных? А диссертация? Я пишу ее уже три года, ну, еще годом больше, какая разница? Так ли важен мой скромный вклад в науку на фоне общей разрухи в стране? И зачем мне эта огромная квартира, в которой никогда больше не будет пахнуть его одеколоном и не будут звучать его любимые блюзы, под которые так здорово заниматься любовью?

Нет, я не могла так легко смириться с этой потерей. Не могла и все.

Пусть я несовременная дура, готовая променять свою мифическую свободу на обычную жизнь, но я хочу, чтобы он всегда был рядом. И если только таким способом можно удержать его, тогда я хочу за него замуж.

Часы на кухне показывали без двух минут двенадцать.

– Эй, ты не спишь? – шепотом задала я в трубку глупый вопрос, хотя знала, что он всегда ложится не позже одиннадцати.

– Сплю, – односложно откликнулся он и замолчал.

Мне некогда было играть в кошки-мышки, поэтому я с ходу решила сообщить ему результат своих рассуждений.

– Я люблю тебя и хочу за тебя замуж! – твердо произнесла я, и тут же усомнилась в правильности принятого решения,

поскольку он ничего не ответил.

Я подождала целую минуту, но за это время так ничего и не произошло.

– Это ведь неправда, что ты больше меня не любишь? – жалобным голосом уточнила я.

– Естественно, нет.

Он был прямолинеен и скуп на слова.

– Так, значит, это был эксперимент! – Я едва не сорвалась на крик, но вовремя сдержала свои неумные эмоции. – Тебе хотелось видеть, как я унижаюсь?

– А ты унижаешься? – ответил он вопросом на вопрос.

Мне нечего было ответить. Разве сказать о своей любви – это унижение? Я хотела лишь одного – чтобы он вернулся. На любых условиях, при любых обстоятельствах.

– Ты женишься на мне, правда?

Я отчаянно боялась услышать в ответ что-нибудь неопределенное, вроде: «Даже не знаю теперь». Но он был тот самый мужчина, и я не зря выбрала его из всех.

– Конечно, – просто ответил он, и мне захотелось зарыдать. – Когда я приеду, мы сразу пойдем в ЗАГС.

– Так быстро? – Я испугалась его решительности. – Может, мы немного подождем.

– Нет! – Он коротко отмел все мои вернувшиеся сомнения. – Мы уже достаточно потратили времени. Больше ждать я не желаю.

– Хорошо, – обреченно согласилась я и посмотрела на ча-

сы.

Повисла долгая пауза, и мне показалось, что он успел задремать.

– Время закончилось, – по привычке замечать парные цифры тихо сообщила я.

– В каком смысле? – сонно удивился он.

– Сейчас на циферблате четыре нуля, и мы живем вне времени.

– Глупости, – устало констатировал он с кошмарной уверенностью мужчины. – Сейчас начнется новый день. Днем я вернусь, и мы обсудим детали. И, пожалуйста, без глупостей. А теперь извини, я ужасно хочу спать.

– Спокойной ночи, – поторопилась закончить разговор я, но в трубке уже раздались короткие гудки.

Он всегда вешал трубку первым.

В этот момент, как он и обещал, на циферблате выскочила первая шустрая единица, и начался новый день. В ванной ничего не подозревающий Александр выключил воду. Его вечер был безнадежно испорчен, а меня ждала долгая ночь перед началом новой жизни. Последняя ночь свободной женщины. Я вздохнула и поплелась на лоджию за раскладушкой для гостя.

Премьера

...Но больше всего поражало, что, несмотря на общий упадок культуры в стране и отсутствие бюджетной подпитки, в этом богом забытом городишке сохранился драматический театр.

Петр Валентинович, выросший на газетных штампах и старательно изживающий их в театре, не переставал удивляться театральной жизни в провинции, пока за окнами поезда поля и леса сливались в черно-желтую полосу, мелькали безымянные полустанки, а сквозняк вяло перебирал замусоленные страницы книги, исчерканные его мелким, аккуратным, почти женским почерком.

К счастью, перспектива выбраться из этой глуши у него все-таки оставалась. Никита твердо пообещал ему перевод в столицу года через два, хотя и с понижением в должности. Никита, известное дело, тот еще прохиндей и наверняка попросит что-нибудь взамен. Впрочем, что с него взять: ни денег, ни связей. Но зато – теперь главный режиссер и художественный руководитель провинциального театра. Да только зачем вообще захолустному городку свой театр? На что они

содержат труппу, которая себя не окупает, на что ремонтируют ветхое дореволюционное «дворянское гнездо»? Слишком много вопросов, ответы на которые он сможет получить лишь завтра. А сегодня... Он заставил себя вернуться мыслями к пятой сцене четвертого акта и скоро нашел нужную страницу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.